

да примем от священнаго верха».⁵³ Автор, подобно пришельцу, видевшему город, также сам видел Михаила. Выделенное нами место — четвертое подтверждение того, что это так. Все четыре подтверждения вместе со свидетельством Новороссийского списка говорят о том, что пришелец сам видел город и что автор — свидетель дел Михаила. Подобно пришельцу, автор именно потому, что он сам видел Михаила и его дела, не может создать целостного суждения о Михаиле, но, в отличие от пришельца, понуждаемый повелением епископа и боясь послушания, все же принимается за дело. Здесь кончается вторая часть Предисловия.

Следовательно, второй аргумент А. Д. Седельникова отпадает: автор не потому говорит о своем бессилии, что он «человек для Твери чужой, едва знавший тверского великого князя при жизни» и со стороны только дивился ему,⁵⁴ но именно потому, что, будучи очевидцем дел Михаила, хорошо их знавшим, он не может выразить все величие Михаила и его дел, настолько он ими поражен, настолько они велики, настолько слабы силы автора.⁵⁵ Предисловие в форме двойного сравнения имело своей задачей, с одной стороны, включить обычную для житий, но в данном случае более тонкую формулу авторского самоумаления, а, с другой стороны, с самого начала, еще до основного текста «Повести», поразить читателя величием Михаила, восславить его.

Мы сказали, что автор принимается за дело, но собственно в тексте, сохранившемся в Н4Л, это еще не сказано: автор только рассуждает: если он напишет, то пусть его не осудят, а простят. К тому же и второе сравнение (город — Михаил) еще только начало раскрываться и прославление Михаила, для которого необходимо это сравнение, только еще намечено, а между тем у автора уже запасено немало поводов для развертывания второго сравнения: твердость стен и прочее и прочее. Ясно, что Предисловие не могло так кончаться, да оно и не кончилось так: в тексте Тверского сборника, в том отрезке, который мы назвали третьей частью Предисловия, находим все недостающее. Прежде всего заметно, что последняя фраза Предисловия в Н4Л оборвана и ее непосредственное (с того же слова) продолжение налицо в Тверском сборнике, благодаря чему она легко реконструируется. «Прощение в оглаголения место да примем от священнаго верха,⁵⁶ ради же поистинне великаго и неудобь сказаема,⁵⁷ и основания бо сего на твердем сем христове камени веры, по реченному глаголом, иже николиже позыбаема бурею забвения, — еже о любви [к] церкве божиа Михаила реку самодержца».⁵⁸ Оказывается, автор надеялся получить прощение епископа вместо осуждения, ради великой любви Михаила к церкви, основанной «на твердом... камне веры».

⁵³ Н4Л, Толстовский список, л. 42 об. Если воспользоваться здесь Тверским сборником, то еще яснее: «и не могый (моги — *Забелинский список*) того единого разсуждения в ум привести» (ПСРЛ, т. XV, стр. 463), т. е. «того» именно, о котором он говорил ранее по поводу города.

⁵⁴ А. Д. Седельников. Из области литературного общения... стр. 162.

⁵⁵ Между прочим, уже вследствие этого отпадает гипотеза А. Д. Седельникова о Елифании Премудром как авторе Предисловия.

⁵⁶ Здесь пропускаем вставленное составителем Предисловия «Повести» Тверского сборника: он, переделывая текст в связи с переменной адресата, выражает надежду получить прощение «от руки» князя: «всяко прощения место да примем от богодарованна ти и неисклонныя ти руки, благодетивый самодержче» (Тверской сборник, *Забелинский список*, л. 186 об.). При переделке утратился первоначальный смысл: «прощение вместо оглаголения» превратилось в бессмысленное «прощения место».

⁵⁷ Теперь нам понятно, что это значит. Если о делах Михаила и о нем самом невозможно рассказать по их величю, то и любовь этого князя к церкви тоже так велика, что «неудобь сказаема».

⁵⁸ До ссылки 56 — Н4Л, Толстовский список, л. 42 об., после — Тверской сборник, *Забелинский список*, л. 186 об.